

Виктория Шаталова

Ведьма

18+

Виктория Шаталова

Ведьма

<https://litres.ru/74180088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночь. Лес. Погоня.

Саломея бежит, сжимая меч человека, который отдал за неё жизнь. Сзади — лай ищущих и крики стражников.

Где-то в казематах барона умирает Агнес, сжимая в руке письмо, которое должно спасти её сестру Мэри.

Где-то в лесу у костра сидит Мэри и смотрит на огонь, не веря никому.

Три женщины. Одна судьба. И правда, которую мир не хотел слышать.

Это история о том, как рождаются ведьмы. О крови на вереске, о голосах из каменных камер и о людях, которые готовы умереть за тех, кого любят.

Содержание

Глава 2. Лето, которое сожгло меня	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктория Шаталова

Ведьма

Пролог (Оуэн)

Я сижу у костра и смотрю на огонь.

Он всегда был моим главным учителем. Я смотрел на него много лет - в лесах, в полях, в горах. И каждый раз он говорил мне одно и то же: «Всё, что горит, оставляет после себя пепел. Но пока оно горит - оно светит».

Люди боятся огня. Боятся изгоев. Боятся тех, кто не такой, как они. Тех, кто видит дальше, чувствует глубже, говорит громче. Они называют нас колдунами и ведьмами, безумцами и бродягами.

Я видел многих изгоев за свою жизнь. Каждый из них нёс свою историю - тяжёлую, как камень на шее. Каждый из них был непонят, отвергнут, предан. Но каждый из них был живым - по-настоящему живым, с огнём внутри, с болью, которая не давала им умереть раньше времени.

Я смотрел на них и видел правду. Их правду.

Часть 1. Саломея

Глава 1. Кровь на вереске

Я бегу.

В груди не воздух – мелкие осколки. Каждый вдох режет изнутри, я слышу, как хрипит горло, как в нём булькает что-то мокрое. Глаза слезятся от пота, я не вижу земли – толь-

ко мелькают серые пятна мха, чёрные корни, жёлтые листья. Платье – я не помню его цвета – висит мокрыми лохмотьями, липнет к ногам, путается в коленях. Я отдираю его рукой, ткань рвётся, но тут же налипает снова.

Сзади лай. Не один голос – стоя. Баронские псы, их учили брать след по крови и поту. Я выжата как тряпка, вся мокрая, и ветер дует в мою сторону, значит, они чувят меня за полмили, может, меньше.

Я спотыкаюсь о корень, падаю на колени. Грязь брызгает в лицо, в рот. Я чувствую вкус торфа, прелых листьев и земли. Я пытаюсь встать, и в этот момент меч, висящий на поясе, бьёт меня по бедру. Кость ноет, будто треснула. Я сдерживаю крик,жимаю рот ладонью и смотрю вниз.

Меч Томаса. Рукоять обмотана старой кожей, протёртой до дыр. Пахнет потом и железом – его потом, его руками. Я ещё помню, как он сжимал эту рукоять, когда мы пробирались коридорами замка. Он сжимал её так, что костяшки побелели, а сам дышал мне в ухо: «Ничего не бойся».

В ушах – его голос. Сорванный шёпот: «Просто беги. Если я упаду – не оглядывайся». Я тогда хотела сказать ему что-то важное, но мы бежали, и я не успела. Я даже не помню, какое это было слово. Только чувствую, как оно застревает в горле, когда я сжимаю его меч.

Я встаю. Ноги дрожат, колени подгибаются, но я делаю шаг. Второй – тяжелее, третий – ещё тяжелее. Надо уйти. Если они настигнут меня здесь, в этом лесу, они не поведут

меня обратно в каземат – они убьют на месте. Барон отдал приказ: «Живую не брать». Он сказал это мне в лицо, когда его люди вязали меня. Он стоял в пол-аршина от меня, брызгал слюной, и я видела его старые, выцветшие глаза.

Я отмахиваюсь от воспоминания. Сейчас это не важно.

Лай ближе. Я слышу, как собаки рычат, как их лапы чавкают по мокрой земле. Они уже не просто за мной – они настигают. У меня может быть пять минут, может, десять. Если я найду реку или ручей – след оборвётся. Но я не знаю, есть ли здесь вода. Я вообще не знаю этого леса.

Я оглядываюсь на бегу. За кронами деревьев – шпили замка. Серые, острые, как клыки. Мне кажется, я вижу дым из труб казематов – или это у меня в глазах темнеет.

Платье снова цепляется за куст. Я резко дёргаю его, слышу треск – подол остаётся на ветках. Теперь я в лохмотьях до середины бедра, ноги голые, вереск царапает кожу до крови. Я чувствую, как капли текут вниз, смешиваются с грязью и болотной жижей. Мне не больно. Или больно, но я перестала различать.

Я мчусь вперёд, не разбирая дороги. Ноги скользят по мокрой траве, я падаю, встаю, бегу. Лес вокруг меня – тёмный, враждебный. Он не знает меня, и я не знаю его. Я слышу, как за спиной трещат ветки – погоня.

И вдруг слева, в папоротнике, раздаётся резкий шорох. Я реагирую без мысли – разворот, удар, меч Томаса со свистом врубается в зелень. Я чувствую, как лезвие встречает мягкую

плоть, как оно входит и останавливается о кость. Влажный хруст. Кровь брызгает мне на пальцы – тёплая, липкая.

Я замираю. Дышу через рот. Медленно раздвигаю ветки клинком.

На земле, в луже быстро темнеющей крови, лежит заяц. Большой, серый, с длинными ушами. Одна лапа ещё дёргается, из бока толчками вытекает алая струя. Мох под ним становится тёмно-багровым. Глаза у зайца выпученные, стеклянные – он смотрит на меня, но уже не видит.

Я смотрю на него. Дрожь пробегает по спине. Это не страх – это облегчение. Просто заяц. Не охотник, не пёс, не баронский палач.

Я опускаюсь на корточки, кладу меч на траву. Пальцы дрожат, когда я беру зайца за уши. Он тёплый, тяжёлый, мускулистый. Он жил, бегал, жевал кору – и вот он у меня в руках, мёртвый. Я не могу вернуть его.

Ну что, косой – говорю я хрипло. – Повезло тебе, что я не голодная. – Я провожу ладонью по его шерсти. – А знаешь, я ведь тоже когда-то была как ты. Думала, что если затаюсь – меня не заметят. Но зайцев едят, ушастый. Надо было не бояться, а кусаться.

Я встаю. Закидываю зайца на плечо – он будет мне ужином, если я доживу до вечера. Привязываю его ремешком от пояса, тушка стучается о бедро – тяжёлая и тёплая. Поднимаю меч Томаса, вытираю о траву, кладу в ножны.

И тут снова лай. Совсем близко. Они уже в четверти мили,

может, меньше.

Я бегу. Теперь не разбирая дороги, просто вперёд, туда, где деревья реже. Заяц бьётся у меня за спиной, я чувствую, как его кровь капает на голую кожу, и это странно успокаивает – я не одна, даже если вторая – мёртвый зверь.

Ветки хлещут по лицу, оставляют красные полосы. Я зажимаюсь на мгновение, и в темноте перед глазами вспыхивает лицо Томаса. Он улыбается – его последняя улыбка, когда он отдавал мне меч. Он сказал: «Ты справишься». Я не ответила, потому что стрела уже входила ему в спину, и он падал в грязь, а я цеплялась за его руку, пальцы скользили по его пальцам, и я не могла удержать его.

Открываю глаза. Слез нет – они высохли.

– Ты говорил, я не ведьма, – шепчу я в пустоту. – Ты говорил: у ведьм мёртвые глаза, а у тебя живые. А теперь у тебя мёртвые, а у меня – всё ещё горят.

Где-то за деревьями слышу крик:

– Она там! Вижу следы!

Топот. Несколько пар ног. У них факелы – я вижу отблески на стволах. Их много.

Я сворачиваю в чащу. Ноги утопают во мху, я тону по щиколотку, выдираю ноги из болотной каши. За мной чавканье – они тоже вязнут.

Я останавливаюсь у старого дуба, прижимаюсь спиной к коре, сжимаю рукоять меча. Сердце колотится как кузнечный молот. Я вспоминаю отца, как он бил по раскалённому

железу – раз, раз, раз – и искры летели во все стороны. Сейчас искры – мой страх. Я должна их погасить.

Я открываю глаза. Смотрю на меч.

– Ну что, Томас – говорю я. – Ты хотел, чтобы я жила. Я живу. Если они настигнут меня, я убью хотя бы одного. Ради тебя.

Они приближаются. Я слышу голоса:

– Она где-то здесь! Ищите!

Где-то слева тявкает собака. Впереди обрыв. Я не знаю, глубокий ли он – но я не вернусь в замок.

Я делаю шаг вперёд. Заяц качается на поясе. Кровь капает на мох – кап, кап, кап. Каждая капля – секунда.

И вдруг – тишина. Голоса стихают. Собака замолкает.

Я стою, не дыша. Вслушиваюсь. Только ветер и деревья. Где-то далеко кричит сова.

Я не понимаю, что произошло. Но я не жду разгадки. Разворачиваюсь и бегу к обрыву. Если упаду – значит, так надо.

Я бегу. Земля уходит из-под ног. Ветер свистит в ушах. Заяц бьётся о спину, как второе сердце.

Я бегу. Томас велел мне бежать. Агнес сказала: «Ты выйдешь». Мэри, Финн, Оуэн, Годрик – они ждут меня за этим лесом. Я не могу оставить их без песни.

Я бегу. И не останавливаюсь. А память возвращает меня к тому, с чего все началось.

Глава 2. Лето, которое сожгло меня

В кузнице пахло углём и раскалённым железом. Отец стоял у горна, молот в его руке поднимался и опускался с ритмом, который я знала лучше собственного сердцебиения. Я сидела на чурбаке и точила нож. Отец учил меня: если отвлекаешься - пальцы останутся на точиле. У меня на левой ладони до сих пор был шрам от его первого урока.

- Не кривись - сказал он, не оборачиваясь. - Ты же не бабышня, которая боится мозолей.

Отец всегда говорил, когда работал. Ему нужно было, чтобы кто-то слушал. Мать давно перестала заходить в кузницу - говорила, что шум у неё в голове.

- Нашёл я тебе жениха - сказал он вдруг. - Сын мельника. Парень глуповат, но руки золотые. Хорошо жить будете.

Я перестала точить.

- Я не хочу замуж - сказала я тихо.

Отец усмехнулся: - Дурочка. Замуж выходят не потому, что хотят, а потому, что надо. Кто тебя кормить будет?

- Я сама себя прокормлю, буду кузнецом.

- Девка-кузнец? - он хмыкнул. - Смех один. Никто не даст тебе заказ.

Спорить было бесполезно. Он любил меня, но был человеком своего времени. Женщина у горна - позор. Женщина без мужа - ничто.

Я встала, положила нож и вышла во двор. Воздух снаружи казался ледяным после кузнечного жара, хотя июльское солнце стояло в зените. Я подошла к колодцу, умылась. Вода была холодной, почти ледяной. Я смотрела на своё отражение, пока круги не успокоились. Рыжие волосы, собранные в небрежную косу. На щеке – сажа. Глаза – зелёные, отцовские. Я не была красивой. Но в них был какой-то огонь, которого я сама боялась.

Я слышала стук копыт.

Он ехал по дороге - на вороном коне, в дорогом плаще, с арбалетом за плечом. Солнце играло на его светлых волосах. Когда он поравнялся с нашим плетнём, остановился. Его взгляд упал на меня.

- Эй, девочка, - окликнул он. - Твой отец здесь?

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Он был красив - опасной красотой хищника.

- Он ушёл к соседям, - выдавила я. - Но если вам нужна подкова или гвоздь, я могу... я умею.

Он усмехнулся, спешил и подошёл к калитке. Я почувствовала запах его духов - лес, мускус, что-то сладкое и пряное.

- Кузнецова дочка, - протянул он, оглядывая меня. - А ты смелая. Как зовут?

- Авелин.

- Красивое имя, - он улыбнулся. - Я сэръ Гилберт. Ищу ночлег. Могу заплатить.

Он бросил мне серебряную монету. Я поймала - больше, чем отец зарабатывал за месяц.

- Я скажу отцу, - пролепетала я и побежала к соседям, чувствуя его взгляд на спине.

Отец вернулся через час. Гилберт сидел на крыльце и точил меч. Я боялась подойти к нему. Боялась, что он скажет что-то ещё, от чего у меня подогнуты ноги.

Но он не сказал. Только подмигнул мне, когда отец подошёл к калитке.

Мы ужинали втроём. Мать накрыла стол, хотя у неё тряслись руки – она тоже никогда не видела дворян так близко. Я сидела напротив Гилберта и смотрела, как он ест: медленно, аккуратно, будто каждый кусок хлеба требовал внимания. Он рассказывал о битвах, о турнирах, о замках. И я видела эти замки, слышала звон мечей, чувствовала запах факелов.

После ужина он вышел во двор. Я сидела на крыльце, обхватив колени, и смотрела на луну. Он подошёл, сел рядом.

– Ты не похожа на деревенских – сказал он. – У тебя глаза с огнём. Ты мечтаешь о большем, чем этот двор?

– Мечтаю, – вырвалось у меня. – Но отец говорит, что это не для женщин.

– Твой отец старомоден, – он взял меня за руку, и я почувствовала, как по телу разливается странное тепло. – Я мог бы показать тебе мир. Если ты захочешь.

Я задохнулась. Смотрела на его руку, на наши перепле-

тённые пальцы. И думала: «Это любовь. Это судьба».

Он повёл меня на сеновал. Пахло сухой травой и летом. Он поднялся первым, протянул мне руку.

- Иди сюда. Я не укушу.

Я поднялась. Он сидел на сене, сняв плащ, и смотрел на меня. Я села рядом, оставляя пустоту, но он подвинулся ближе.

- Ты ведь хочешь этого? - прошептал он. - Ты не боишься?

Я не боялась, вся горела. Позволила ему коснуться меня, позволила развязать тесёмки. Смотрела в тёмное небо сквозь дыру в крыше и шептала про себя: «Сейчас я стану другой».

А потом он спросил, девственница ли я.

- Да, - прошептала я.

Он усмехнулся. В этой усмешке я впервые услышала то, что потом вспоминала много лет. Не нежность. Удовольствие. От того, что он берёт то, чего никто до него не брал.

Он вошёл в меня, и я закрыла глаза. Думала о замках и о том, как завтра мы уедем вместе.

Утром я проснулась от холода. Сеновал был пуст. Я села, натягивая рубаху, и услышала голоса внизу. Гилберт и отец. Я выглянула в щель между досками и увидела, как он затягивает подпругу.

- ...вещица ценная – говорил Гилберт. – Мне нужна была лошадь, а платить монетой я не хотел. Но ваш товар был лучшим в округе.

– Что? – отец нахмурился.

Гилберт засмеялся. Громко, нагло. Он хлопнул отца по плечу.

– О вашей дочери, конечно. Отличная, свежая, горячая. Спасибо за ночлег.

Я не могла дышать. Гилберт уже взялся за поводья, когда я выскочила из сеновала, босая, растрёпанная.

– Гилберт! – закричала я. – Ты уезжаешь?

Он обернулся. Посмотрел на меня так, будто видел впервые. И усмехнулся – той же усмешкой, что и ночью.

– Дела, милая – сказал он и наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб. Его губы коснулись кожи, но я не чувствовала ничего, кроме холода. – Не скучай.

Он ударил коня и исчез за поворотом.

Я стояла во дворе. Смотрела, как он уезжает, и чувствовала, как внутри умирает что-то важное.

– Ты что наделала, дура! – голос отца прозвучал как пощёчина.

Я обернулась. Он стоял у порога, и его лицо было красным, глаза – бешеными.

– Папа, я...

– Я не спрашиваю, что ты делала! – он замахнулся и ударил меня по лицу. Первый раз в жизни. Я упала на землю, чувствуя, как кровь заливает губу. – Ты опозорила меня на всю округу! Какая тебе теперь цена?

– Папа, я любила его, – прошептала я, прижимая ладонь

к разбитой губе. – Он обещал...

– Он наврал тебе! – отец сжал кулаки. – Ты такая же дура, как и твоя мать!

Слова резали сильнее, чем его кулак. Я попыталась встать, но он схватил меня за плечи и толкнул к калитке.

– Убирайся! – рявкнул он. – Ты больше не дочь мне. Иди, куда хочешь, но, чтобы ноги твоей здесь не было!

Я выбежала во двор. Мать стояла у порога и плакала. Она смотрела на меня, и в её глазах был только стыд. Ни капли жалости.

А у калитки уже собиралась толпа. Соседи, старухи, мужики. Они смотрели на меня, как на чуму. Кто-то плюнул в мою сторону, кто-то закричал:

– Ведьма! Растлила рыцаря!

– Сжечь бы её!

– Вон из деревни!

Я попятилась, и чья-то рука толкнула меня в спину. Я упала в грязь. Гнилое яблоко ударило по затылку. Попыталась подняться, но кто-то пнул меня в бок.

– Я ничего не делала! – закричала я. – Это не я!

Они не слушали. Они гнали меня за околицу, как дикого зверя. Я бежала, спотыкаясь, в рваном платье, босая, с кровью на лице. Бежала, не понимая куда. И когда я остановилась, когда упала на колени и разрыдалась, я была одна. Со всем одна. Только лес вокруг и дорога, уходящая в никуда.

Я сидела на мокрой земле и выла. Не знала, сколько про-

шло времени – час, два, может, больше. Но когда я подняла голову, я увидела свет. Впереди, в лесу, горел костёр. Мне было все равно, что будет дальше, поэтому я пошла в его сторону.

Возле костра сидело четыре человека. Старик, карлик, женщина со смоляными волосами и здоровяк.

– Эй, девочка – сказал старик, и в его голосе не было удивления, как будто каждый день к ним на костер приходили зареванные девочки. – Ты совсем замёрзла? Садись.

Я села у огня, и он протянул мне кружку тёплого эля. Я взяла её дрожащими руками и выпила залпом – горько, обжигаяще, но внутри стало теплеть.

– Что случилось? – спросил он.

– Меня выгнали, – выдавила я. – Я опозорена, и все считают меня ведьмой.

Он хмыкнул и засмеялся – низким, добрым смехом, от которого у меня защемило в глазах.

– Ой, глупая! Да нас тут каждый второй – «ведьма». Вот Мэри, – он кивнул на женщину, которая сидела у костра и чинила плащ, – её тоже выгнали из деревни, потому что она зашибла мужа на ярмарке. А Финна – за то, что он слишком правдив. Мы все изгои, девочка. Добро пожаловать в семью.

– Меня зовут Оуэн – сказал старик. – А тебя как?

– Авелин.

– Авелин - покатал мое имя старик в своем почти беззубом рту и покачал головой. - Нет, это имя зареванной девоч-

ки, заблудшей в лесу. - Будешь Саломеей. Так звали одну царевну, которая умела танцевать и кружить головы мужчинам. И, говорят, она не боялась никого. Тебе подходит.

Я посмотрела на кружку в своих руках. Эль остывал, но внутри меня разгорался какой-то новый огонь. Я сжала пальцы и сказала:

– Саломея. Хорошо.

И с того дня я стала ею.

Мы сидели у костра до самого утра. Я не спала – просто смотрела на угли и слушала, как они дышат. Оуэн дремал, привалившись к дубу. Финн свернулся калачиком у огня. Годрик сидел, обхватив колени, и смотрел в небо. Мэри чинила плащ, не поднимая головы.

Когда небо начало светлеть, Оуэн встал, потянулся и сказал:

– Собираемся. Нам нужно быть в Уэллсе через два дня.

Я поднялась, чувствуя, как ломит спину и ноют ноги. Я не знала, куда мы идём, но я была готова идти за ними – куда угодно, лишь бы не оставаться одной.

Пока Финн и Годрик собирали вещи, Оуэн отошёл в сторону с Мэри. Я слышала их голоса, хотя они говорили тихо. Мэри была резкой:

– Ты серьёзно? Мы берём её с собой?

– Мы уже взяли, – ответил Оуэн.

– Ты дал ей имя. Ты пригласил её к костру. Но это не значит, что мы тащим её за собой всю дорогу. Она ничего не

умеет. Она слабая. Она будет путаться под ногами и привлекать внимание.

Я сжала пальцы в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Я должна была уйти, не слушать, но ноги приросли к земле.

– Дай ей шанс – сказал Оуэн.

– Шанс? – усмехнулась Мэри. – Мы не богадельня, Оуэн. У нас самих едва хватает на хлеб. Каждый лишний рот – это риск. Она не умеет воровать, не умеет петь, не умеет ничего, кроме как смотреть на нас мокрыми глазами.

– Она научится.

– Или умрёт, – отрезала Мэри. – И тогда мы будем хоронить ещё одну. У меня нет сил на это.

Голос её дрогнул. Я услышала в нём что-то, чего не ожидала – не злость, а усталость. Такую глубокую, что мне стало страшно.

Она замолчала, посмотрела на меня через плечо, потом отвернулась и бросила через губу:

– Одна неделя. Если не справится – уходим без неё.

Она перекинула мешок через плечо и пошла вперёд, не оглядываясь.

Оуэн обернулся ко мне. Его лицо в утреннем свете казалось старым и усталым.

– Иди, – сказал он тихо. – Она дала тебе неделю. Используй это время.

Я стояла и смотрела ей вслед. Потом сделала шаг, второй.

Ноги болели, спина ныла, но я шла.

– Я справлюсь – сказала я, скорее себе, чем Оуэну.

Он ничего не ответил. Просто пошёл рядом.

Финн подмигнул мне, как вчера, но в его глазах тоже была тревога. Годрик молча взял меня за плечо и чуть подтолкнул вперёд.

Я пошла за ними. Держалась чуть позади, чтобы не мешать. Смотрела на спину Мэри и чувствовала, как она напряжена, как она не хочет меня видеть. Но я шла. Потому что другого пути у меня не было.

Глава 3. Дорога к дому

Та неделя стала испытанием. Я не ныла, не жаловалась. Таскала дрова, чистила картошку, штопала одежду - Мэри бросала её мне, я делала. Она смотрела на меня и молчала. Только иногда, когда я валилась с ног, я видела, как она подкладывает мне свой плащ, думая, что я сплю. Я знала: она ещё не приняла меня, но уже перестала ненавидеть.

Неделя прошла. Оуэн улыбнулся, когда я спросила, можно ли остаться: «Она не прогонит. Она просто боится». Мэри не сказала ни да, ни нет - просто перестала оглядываться, когда я шла позади. Я осталась.

Первый месяц я училась лютне. Пальцы горели и кровоточили, струны рвались, я фальшивила так, что Финн затыкал уши. Однажды я разрыдалась, швырнула лютню на землю. Оуэн поднял её, стряхнул грязь и протянул обратно.

- Два года я не мог взять ни одной чистой ноты, - сказал

он. - Просто продолжай.

Я продолжала. К концу месяца я играла три мелодии - криво, с запинками, но уже терпимо.

Воровство давалось тяжелее. Меня ловили, били, Мэри откупалась. Она не кричала - говорила: «Ты смотришь на кошелёк, а надо на лицо. Убери страх - и тебя не заметят».

Через два месяца я срезала кошелёк у толстого купца и выскользнула из толпы. Мэри усмехнулась:

- Почти как я. - Помолчала. - Может, ты не совсем безнадёжна.

Это были первые слова одобрения. Я запомнила их навсегда.

Финн учил меня смеяться. Я не умела шутить – я была слишком злой, слишком тихой. Мои шутки были злыми и колючими, и люди не смеялись – они обижались. Однажды я так оскорбила трактирщика, что он вышвырнул нас всех на улицу. Мы ночевали в канаве, и Финн сказал:

– Ты не шутишь. Ты бьёшь словами, как камнями. А надо – как перьями. Легко. Тихо. И улыбайся.

Я не понимала, как это – бить перьями. Но я смотрела на него, как он кривляется, как люди смеются над ним, а не злятся. И постепенно я начала понимать. Через три месяца я могла пошутить так, что даже Мэри фыркала в кулак.

Годрик учил меня терпению и доброте. Мы вместе помогали путникам, делились едой с нищими, перевязывали раны. Поначалу я делала это через силу – мне казалось, что мы

тратим время на чужих людей. Но я видела его руки, его лицо, его спокойствие, и я начинала понимать: иногда доброта – это не слабость, а сила. Я не стала доброй, как он. Но я научилась не проходить мимо.

Мэри не называла меня по имени, не обнимала. Но позволяла быть рядом. Я чувствовала, как перестаю быть чужой.

Через четыре месяца мы заночевали в лесу. Я сидела у костра, перебирая струны. Мэри смотрела на огонь и вдруг сказала:

- Сыграй что-нибудь своё.

Я никогда не играла своё. Но закрыла глаза, провела пальцами по струнам и заиграла - тихо, срываясь. Это была мелодия ветра, запах дыма, дорога под ногами. Я не знала, откуда она взялась. Я просто играла.

Когда закончила, Мэри подошла и села рядом. Её рука легла на моё плечо - впервые.

- Теперь ты одна из нас, - сказала она. - Не потому, что научилась красть или играть. Потому что нашла своё.

Я не вытирала слёз. Я позволила им течь.

Глава 4. Кровь за кровь

Та ночь выдалась тёмной - хоть глаз выколи. Луна спряталась за тучами, только чёрное небо, как крышка, накрывшая лес. Мы разбили лагерь у старого дуба, подальше от дороги.

Костёр едва тлел. Финн набросал сырых веток, чтобы дым не поднимался, и огонь почти не давал света - только красное зарево. Я сидела на корточках, подбрасывала сухие щепки и

слушала, как похрапывает Мэри. Мы прошли почти десять миль, она устала, но никогда не жаловалась.

Я уже почти привыкла к ним. К тому, что Мэри больше не смотрит на меня как на чужую. Полгода мы шли вместе, и я думала, что это продлится вечно.

И тогда я услышала треск ветки. Слишком громкий для зверя. Тяжёлый, человеческий. Я замерла, рука потянулась к ножу, который Мэри дала мне в первую неделю. Холодная сталь легла в ладонь.

Я подняла глаза на Годрика. Он уже не чинил сапог. Он замер, прислушиваясь, и его лицо в отблесках огня стало твёрдым, как камень. Он смотрел в ту сторону, откуда пришёл звук, и я видела, как его пальцы сжимают дубину.

Финн оборвал мелодию. Оуэн не проснулся – он спал так крепко, что мог проспать конец света.

– Не двигайся, – прошептал Годрик. – И не дыши громко.

Я затаила дыхание. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно за милю. Я прислушалась, и сквозь шум крови в ушах различила: справа, в зарослях орешника, кто-то двигался. Тяжело, стараясь быть тихим, но не умея. Не зверь. Люди. Много.

Годрик поднял руку – короткий, резкий жест. Я пригнулась, почти упав на землю. Финн сделал то же самое. Мэри проснулась от нашего движения. Она не закричала, не вскочила. Она просто открыла глаза, посмотрела на Годрика, и её рука потянулась к палке, лежавшей у костра.

И вдруг из темноты вылетела стрела. Я услышала свист, и в ту же секунду она вонзилась в дуб, в двух пальцах от головы Оуэна. Он даже не проснулся сразу – только вздрогнул, когда дерево содрогнулось от удара.

– В укрытие! – крикнул Годрик. Он уже двигался. Бросился к Оуэну, схватил его за плечо и перекатил за ствол, а сам встал между нами и лесом, сжимая дубину.

Я не думала. Я просто вскочила и побежала туда, где был Годрик.

Из темноты выскочили четверо. Грязные, бородатые, с ножами и топорами. Я успела разглядеть их лица – у одного был шрам через всю щёку, у другого не хватало двух пальцев на левой руке. Они не выглядели как обычные разбойники. Слишком уверенно, слишком слаженно. Будто их кто-то послал.

– Золото, еда, вино – и мы вас не тронем! – рявкнул тот, что был впереди, с багровым шрамом. Он размахивал секирой, и я видела, как лезвие блестит в свете костра.

– У нас ничего нет – сказал Оуэн, вставая и поднимая руки. Голос его дрожал, но он старался говорить спокойно. – Мы бедные музыканты. Возьмите, что найдёте, только не убивайте.

– Врёшь, старик! – заорал второй, шагнув вперёд. – У вас наверняка есть выручка с ярмарки!

– Нет у нас выручки, – вмешалась Мэри, пытаясь заслонить собой Годрика.

– Побоку! – рывкнул главарь и сплюнул на землю. – Вяжите их! Красивых девок – в лес!

Он кивнул на меня. И в этот момент я увидела, как его глаза скользят по моей груди, по ногам, по лицу. Я видела этот взгляд раньше. У Гилберта. У мужчин в тавернах. Это был взгляд собственника.

Я отступила на шаг, и моя рука сжала нож. Годрик шагнул вперёд, заслоняя меня.

– Отойди, – сказал он главарю. Голос его был низким, спокойным, без страха. – Я бывший солдат. Я убивал людей и пострашнее вас. Убирайтесь, пока я не начал.

– Солдат? – главарь усмехнулся, но я услышала в его голосе неуверенность. – Бывший солдат с дубиной. Страшно.

Он шагнул ко мне. Я замахнулась ножом и бросила его – туда, где шея переходит в плечо. Я целилась в горло, но рука дрогнула. Лезвие вошло в ключицу, неглубоко. Главарь взвыл, выронил секиру, но не упал. Он выдернул нож из плеча, и кровь хлынула между пальцев, чёрная в темноте.

– Сука! – заорал он и рванул ко мне.

Я не успела отскочить. Он схватил меня за горло, приподнял над землёй. Пальцы сжимались, я не могла дышать, перед глазами поплыли чёрные пятна. Я била его по рукам, царапала лицо, но он только смеялся.

– Сдохнешь, тварь, – прохрипел он.

Всё смешалось. Годрик бил дубиной кого-то слева, я слышала хруст костей и крик. Мэри дралась с третьим, топором.

Финн орал и кидался камнями. Но я видела только лицо главаря, его жёлтые зубы, его горячее дыхание.

Я перестала бить его руками. Я просто ткнула пальцами ему в глаза. Он взревел, ослабил хватку, и я упала на землю, хватая ртом воздух.

Он стоял надо мной, занося нож. Я увидела, как лезвие сверкнуло в темноте. И в тот же миг я вспомнила, как Годрик учил меня: «Если упал – бей снизу, в живот, туда, где не защищены».

Я выбросила руку вверх, нащупала его нож, но он вырвал его. Тогда я просто ударила кулаком – туда, где рёбра расходятся. Он охнул, пошатнулся. Я ударила снова, и в этот раз мои пальцы нашли его нож, тот самый, что я бросила в него. Он выронил его, когда хватал меня. Я схватила лезвие, не чувствуя, как оно режет ладонь, и всадила ему в живот. Раз, потом второй.

Он замер. Посмотрел на меня. В его глазах было удивление – будто он не верил, что я могу. Потом он рухнул на колени и завалился набок.

Я сидела на земле, тяжело дыша. Смотрела на свои руки. Они были в крови. Чужой крови. Тёплой, липкой, она стекала с пальцев и капала на мох.

Я не сразу поняла, что дрожу. Не сразу поняла, что меня трясёт так, что зубы стучат.

– Саломея! – раздался голос Оуэна. Он подбежал ко мне, опустился на колени. – Ты как? Ты цела?

– Я... я не знаю – прошептала я.

Он взял меня за плечи, повернул к себе. Я видела его глаза – тёмные, старые, но в них не было страха. Только забота. Он обнял меня, прижал к себе, и я чувствовала, как пахнет его старая куртка – дымом, травой, потом. Он был живой. Они все были живы.

Я отстранилась, посмотрела на свои руки. Кровь уже начинала темнеть и сворачиваться. Я сжимала и разжимала пальцы, чувствуя, как она липнет к коже.

– Я убила его – сказала я. Голос был чужим. – Я убила человека.

– Ты сделала то, что должна была – сказал Оуэн тихо. – Мы все сделали.

Но я не слышала его. Я смотрела на тело главаря. Он лежал на боку, и его лицо было обращено ко мне. Стекланные глаза смотрели в небо. Из рта текла кровь. Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. Я видела его шрам, его грязную бороду, его руки, которые ещё минуту назад сжимали моё горло. А теперь он просто лежал. Мёртвый.

Меня вывернуло наизнанку. Я упала на колени, меня рвало, я кашляла, и слёзы текли по лицу, смешиваясь с грязью и кровью.

– Тише, – сказала Мэри. Она опустилась рядом со мной, обняла за плечи. – Тише, Саломея. Всё прошло. Всё кончилось.

– Я убила его, – повторяла я. – Я его убила.

Она не говорила, что это было правильно. Она не говорила, что он заслужил. Она просто сидела рядом и держала меня за плечи, пока я тряслась.

Мы не спали в ту ночь. Я сидела у костра и смотрела на огонь. Мэри сидела рядом и не уходила. Она не говорила ни слова, но я чувствовала её тепло.

– Я не хочу привыкать к этому, – сказала я тихо.

– И не надо, – ответила она. – Но запомни: ты сделала это, чтобы мы остались живы. И это не делает тебя злой.

Я закрыла глаза. В темноте передо мной было лицо того человека. Я видела его глаза, его шрам, его грязную бороду. Я видела, как он падает.

Я открыла глаза и посмотрела на неё.

– Я убила человека – сказала я. – Я не знаю, кто я теперь. Она сжала мою руку.

– Ты та, кто выжила – сказала она. – А всё остальное придёт. Просто не останавливайся.

Я кивнула. Мы сидели в тишине до утра. Я не спала. Я смотрела на огонь и думала о том, что я убила человека. И я знала, что это не последний раз.

Глава 5. Паутина

Прошёл ещё год. Дороги, города, деревни, ярмарки. Мы шли, и я менялась всем существом.

Волосы теперь падали на плечи огненной волной. Тело стало гибким и сильным. Я научилась танцевать так, чтобы мужчины смотрели только на меня. Я научилась улыбаться

так, чтобы они думали, что я принадлежу им, и в тот же миг отворачиваться - чтобы они понимали, что я не их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.